

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Akamatsu T. The theory of neutralization and the archiphoneme in functional phonology. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 1988. XXI + 553 p.

Рецензируемая монография японского исследователя Цутому Акамацу опубликована как очередной, 43-й том списавшей международной популярности серии монографий и сборников статей по актуальным проблемам общего языкознания, компаративистики и истории лингвистических учений. Серия издается в Амстердаме. В редакционную коллегию серии входят ведущие специалисты по многим отраслям языкознания. Советская лингвистика в редколлегии представлена академиком Т. В. Гамкрелидзе.

Книга состоит из краткого предисловия, написанного А. Мартине, введения и двенадцати глав.

В первой главе «Введении» автор излагает методологические установки своего исследования. Теория нейтрализации и архифонемы впервые была разработана в Пражском лингвистическом кружке. В настоящее время эта теория полностью принята и разрабатывается дальше в рамках функциональной лингвистики, в частности, в ее французском варианте. Это направление (Неопражская школа), к которому причисляет себя и автор, возглавляется А. Мартине. Задачу книги автор видит прежде всего в критическом обзоре с функционалистской точки зрения всех существующих фонологических концепций, ориентируясь непосредственно на нейтрализацию и на смежные с ней понятия, а также последовательно излагает собственную теорию нейтрализации.

Настоящее исследование как бы продолжает серию работ, осуществляемых учениками и сотрудниками А. Мартине под его руководством. Внутренняя задача этих исследований — детальнейший анализ эволюции фундаментальных понятий фонологии. Одной из таких работ было недавнее обширное исследование М. Вьеля, посвященное анализу понятия «признак» в фонологии и смежных с ней лингвистических дисциплинах [1, 2].

Примечательно, что стимулирующим фактором к такому рода исследованиям стала публикация Р. О. Якобсоном писем и заметок Н. С. Трубецкого [3], во многом проливающим свет на историю

становления понятийного аппарата фонологии (и не только фонологии), на подлинных источниках многих идей структурализма, на то, как складывался один из ставших впоследствии ведущим в лингвистической науке XX в. метод.

В этой связи можно сказать, что рассматриваемая монография написана в важнейшем и труднейшем жанре, к сожалению, у нас малопопулярном. Здесь автор на основе анализа и согласования фундаментальных понятий строит уточненный понятийный аппарат, что, в конечном счете, эквивалентно решению стратегических задач данной науки.

Ц. Акамацу в своем исследовании тщательно проанализировал и пересмотрел содержание таких фундаментальных понятий фонологии, как фонема, оппозиция, признак, нейтрализация, архифонема и т. п., употребившихся в работах Трубецкого, Якобсона, Мартине, Трики, Вахека, Куриловича, Матезиуса и др., и в ряде случаев предложил свои оригинальные решения.

Теоретической основой рецензируемой книги является структурный и функциональный подход, причем в той разновидности, которая развивается А. Мартине и его учениками. И действительно, изложенные в книге идеи автора во многом развивают теорию нейтрализации А. Мартине, впервые изложенную в статье 1936 г. [4], а затем примененную и к единицам других уровней языка [5].

Хотя автор и считает школу функциональной лингвистики А. Мартине неопражской, говорить об этом можно с большой долей условности. В действительности идеи Пражского лингвистического кружка, возникшего в 30-е годы, дали жизнь по крайней мере трем лингвистическим школам.

Во-первых, это собственно пражская школа (Трика, Вахек и др.), продолжавшая традиции московской формальной школы (Фортулатов, Ушаков, Дурново, Трубецкой, Карцевский). Здесь функциональное рассматривается как неотъемлемое свойство структуры языка в целом, а функция — это способность единицы

«работать» в составе системы аналогичных единиц и служить средством различения и отождествления единиц более высокого уровня. Впервые такой взгляд был систематическим образом изложен Н. С. Трубецким в ряде работ, и в первую очередь в «Основах фонологии» [6]. Несмотря на ряд разногласий, такой же подход исповедуется и в Московской фонологической школе.

Во-вторых, это Неопражская школа, или школа Мартине. Если в центре внимания собственно Пражской школы находится описание фонологических процессов, то для Неопражской школы важны причины фонологических процессов, при этом причины, как правило, имеют антропофонический характер (на чем, собственно говоря, и строится принцип экономии речевых усилий Мартине). Разного рода системные критерии при этом не отвергаются.

И, наконец, третье направление, берущее свое начало от Пражской школы, — это школа Р. О. Якобсона, от которой в свою очередь отпочковывается генеративная лингвистика. По мнению автора (с. 9), это направление ассоциируется с функционализмом весьма условно. Неслучайно поэтому наиболее решительные попытки ревизии фонологической теории Трубецкого принадлежат именно генеративистам [7—8]. О расхождении точек зрения на ряд фундаментальных понятий фонологии свидетельствуют недавно опубликованные письма Трубецкого к Якобсону [3] и специальное историографическое исследование М. Вьеля [1]. Суть разногласий сводилась к взглядам на фонологическую систему (репертуар фонем или взаимообусловленные корреляции) и на природу фонологического признака.

В гл. 2 «Фонологическая оппозиция» автор предлагает различать оппозицию и контраст. Оппозиция — явление парадигматическое и обозначает парадигматическую противопоставленность фонем в рамках системы. Контраст обозначает синтагматические отношения между фонемами в пределах более крупных единиц языка (морфем, слов). Это отличие приобретает особый смысл, так как в ряде лингвистических школ (в первую очередь американской, необлумфилдianской, генеративной и др.) эти два понятия не различаются.

Автор предлагает различать фонологические и фонические (phonic) оппозиции и показывает, что с точки зрения теории нейтрализации функционально (фонологически) самостоятельными являются лишь фонологические оппозиции. Фонические же оппозиции (например, противопоставления [г] — [γ] во французском и [r] — [r^h] в английском) фоно-

логически нерелевантны. Предложенная еще Трубецким классификация оппозиций на привативные, градуальные и эквивалентные отражает фонологическую (в отличие от фонетической) структуру данного языка только в том случае, если эти оппозиции нейтрализуемы (т. е. если есть позиция нейтрализации). Фонологически привативные и градуальные оппозиции, с точки зрения автора, функционально не оправданы, т. к. здесь противопоставляются не фонемы, а признаки.

Таким образом, функционально полноценными являются лишь фонологические эквивалентные оппозиции, где противопоставляются не признаки, а фонемы. Развивая классическое учение Трубецкого о фонологической системе как о системе фонологических оппозиций и способах их нейтрализации, следует полагать, что нейтрализуются не признаки и не фонемы, а фонологические оппозиции. Оппозиция — основной способ взаимосвязи фонем, минимальная структурная единица фонологической системы [9, с. 67—72].

В гл. 3 «Релевантный признак» автор подчеркивает, что максимально функциональная теория нейтрализации и архифонемы должна оперировать понятием релевантного признака (relevant feature), при полном исключении понятия «различительный признак», употребляемого в генеративистской фонологии и в фонологической теории Якобсона, построенной на принципах бинарного противопоставления различительных признаков. Релевантный признак может быть определен лишь через оппозицию другому релевантному признаку (одному или более): «а» — «b», «а» — «b» — «с», «а» — «b» — «с» — «d» и т. д. Оппозиции релевантных признаков определяются фонологической системой конкретного языка.

Внутренняя структура релевантного признака определяется тем, что, во-первых, релевантный признак — это не единственный фонический (звуковой, phonic) признак, а комплекс множественных звуковых признаков, и, во-вторых, множественные различительные звуковые признаки в составе релевантного признака взаимно неделимы (non-dissociable).

Представляется, что не менее важным понятием следует считать интегральный признак — всякий признак, так или иначе объединяющий (интегрирующий) фонему в целостную систему [9, с. 74].

Гл. 4 «Нейтрализация» полностью посвящена анализу этого важнейшего понятия фонологии. Еще на заре зарождения фонологии как самостоятельной лингвистической дисциплины ее авторы, русские лингвисты Н. С. Трубецкой и Н. Н. Дурново, определяли нейтрализацию как «краеугольный камень фоноло-

гии». Ц. Акамацу дает следующее определение этого явления: «Под нейтрализацией понимается прекращение действия (operative) фонологической оппозиции между двумя или более фонемами в некотором контексте или контекстах (позициях? — примеч. наше. — Ж. В., III. А.) (контексте(ах) нейтрализации), которая (фонологическая оппозиция) действует (operative) в других контекстах (т. е. контекстах релевантности) в пределах данной фонологической системы. Нейтрализация происходит под воздействием групповой (concellation) оппозиции или оппозициями релевантных признаков, которые служат для различения фонем — членов нейтрализуемой оппозиции в контексте(ах) релевантности» (с. 111). Схематически это можно показать следующим образом:

| | | | | |
|-----|----|---|---|----|
| /A/ | «a | b | c | d» |
| /B/ | «a | b | c | e» |
| /C/ | «a | b | c | f» |

где /A/ и /B/ (и /C/...) — фонемы — члены нейтрализуемой оппозиции; «a», «b», «c», «d», ... взаимно различимые релевантные признаки; так ни «d», ни «e» (ни «f»), а также «a» не могут быть нулевыми, тогда как «b» и/или «c» могут быть нулевыми в зависимости от индивидуальных свойств нейтрализуемой оппозиции. Нейтрализация оппозиции /A/ — /B/ (—/C/) имеет место в позиции(ях), где оппозиция «d» — «e» (—«f»...), служащая для различения друг от друга /A/, /B/ (/C/...) в позиции(ях) релевантности, не действует (отменяется).

Композиционное построение главы таково, что собственное определение явления нейтрализации автор приводит в самом начале, буквально в первых строках, а затем анализируются альтернативные точки зрения и теории. Такая структура главы несколько затрудняет чтение. Собственная теория нейтрализации Ц. Акамацу представляется несколько громоздкой. Он предлагает различать понятия оппозиции и контраста, фонологическую и фонетическую оппозиции, оппозиции фонем и оппозиции признаков. Действие нейтрализации он ограничивает лишь эквиолентными оппозициями. По его мнению, в привативных оппозициях противопоставляются не фонемы, а признаки. Важным можно считать то, что автор сохраняет в своей теории нейтрализации основополагающее понятие оппозиции, утраченное, кстати говоря, в Московской фонологической школе. Однако в определении автора нейтрализация становится не только громоздкой, но в какой-то степени и теряет свои свойства системообразующего фактора, главной интегративной силы системы.

Фактором, объединяющим парадигматические и синтагматические свойства нейтрализации, является снятие парадигматического противопоставления в синтагматике. Поэтому разумным представляется дать классификацию типов нейтрализации по характеру нейтрализуемых оппозиций, и привативная оппозиция, вопреки мнению автора, вовсе не окажется в стороне, а, напротив, будет чаще всего нейтрализуемым типом оппозиций.

Далее следует еще остановиться на связи нейтрализации с различительными релевантными признаками. Автор (подробнее см. ниже) недостаточно четко показывает связь нейтрализации и архифонемы, хотя последняя объединяет всеедино константные и нейтрализуемые оппозиции интегративными силами материального сходства [9, с. 96]. В действительности архифонема реально проявляется в системе данного языка в позиции нейтрализации в виде своего представителя. При чем архифонема относительно релевантного признака данной оппозиции выступает как совокупность всех различительных признаков фонем — членов данной оппозиции, могущих выступать как в плюсовом, так и в минусовом значении. Так, например, при нейтрализации привативной оппозиции по глухости — звонкости в конце слова в русском и немецком языках в позиции нейтрализации выступает не фонема — член оппозиции с признаком глухости, а представитель соответствующей архифонемы [Р] с признаком в минусовом значении [— звонкость]. А по отношению к оппозиции в целом архифонема — это совокупность различительных признаков в минусовом или плюсовом значении:

$$P = \left\{ \begin{array}{l} + \text{признак} \\ - \text{признак} \end{array} \right\}$$

В гл. 5 «Нейтрализация и слияние фонем» приводятся восемь принципов различия этих двух явлений, из которых наиболее существенным является тот, что нейтрализация прежде всего связана с определенной оппозицией и ее снятием в некоторых позициях (контекстах, по терминологии автора) в одной и той же фонологической системе, а слияние — это, по крайней мере, два разных качественных употребления фонем в различных фонологических системах (например, диалектных или в стилях произношения). Причем эти две фонемы диахронически и функционально едины.

Автор создает, что слияние — это процесс динамический (merger is a process phenomenon, с. 155). В этой связи следует более четко, чем это делает автор, различить синхронные свойства и исторические последствия этого процесса.

По мнению автора, слияние (в отличие от нейтрализации) связано либо с двумя синхронными фонологическими системами, или же (как нейтрализация) с двумя диахронически последовательными фонологическими системами. В качестве примера для первого синхронного случая приводится различие и неразличение /e/ и /œ/ в отдельных говорах Франции. Автор ощущает явные затруднения в различении синхронных и диахронических сторон этих процессов. И действительно, провести такую грань непросто.

Представляется, что слияние — это термин, характеризующий лишь внешнюю фонетическую сторону процесса и ни в коей мере не вскрывающий его фонологического механизма. Здесь слияние двух фонем (как, впрочем, и возникновение новой) следует рассматривать с фонетической точки зрения как возникновение новой или исчезновение старой оппозиции. Исчезновение одной фонемы можно представить себе лишь как процесс слияния ее с другой фонемой, что с фонологической точки зрения является слиянием прежних членов оппозиции. Причем такой процесс конвергенции обязательно ранее проходит через стадию нейтрализации, т. е. через процесс позиционного снятия парадигматических противопоставлений. Таким образом, фонемы не различаются сначала в одних позициях и различаются в других. Число позиций нейтрализации постепенно увеличивается-

| | | | | |
|-----------------------|----|---|---|----|
| Позиция релевантности | | | | |
| /A/ | «a | b | c | d» |
| /B/ | «a | b | c | e» |
| /C/ | «a | b | c | f» |
| (.....) | | | | |

ся до тех пор, пока позиции различения не исчезнут вовсе, что приводит тогда к полной утрате оппозиции. Явление слияния следует рассматривать вместе со смежным явлением расщепления фонем, когда прежние аллофоны (позиционные варианты) одной фонемы создают новую оппозицию, ставясь самостоятельными фонемами [9, с. 188—197].

Таким образом, связь нейтрализации и «слияния фонем» в действительности более глубокая, чем представляется автору. Нейтрализацию можно рассматривать как позиционное «слияние фонем» при уменьшении числа позиций релевантности, от позиции к позиции оппозиция исчезнет полностью, фонемы, составлявшие оппозицию, сольются, конвергируют.

В гл. 6 «Нейтрализация и дефектное распределение (дистрибуция)» показано, что нейтрализация — явление парадигматическое, а дефектная дистрибуция (невстречаемость двух членов оппозиции в одинаковой позиции) — явление

синтагматическое. Как правило, оппозиция с дефектной дистрибуцией фонем — членов этой оппозиции — не нейтрализуется. Это, однако, не может служить доводом в пользу того, что нейтрализация — это явление синтагматическое.

В гл. 7 «Нейтрализация и синкретизм» указывается на многочисленные случаи взаимообъединения этих двух явлений. Синкретизм в большей степени относится к явлениям морфологическим и представляет собой формальное объединение двух единиц (например, падежей) при сохранении их различий на семантическом уровне. В этой связи автор предлагает два типа оппозиций — нейтрализуемые оппозиции (т. е. нейтрализация происходит как на уровне означающего, так и на уровне означаемого) и синкретизируемые (syncretizable) оппозиции (нейтрализация происходит лишь на уровне означающего). Можно добавить и третий тип: в позициях нейтрализации снимается противопоставление означаемых.

В гл. 8 «Архифонема» приводится следующее ее определение: «Архифонема — это различительная единица, чье фонологическое содержание идентично релевантным признакам, общим фонемам — членам нейтрализуемой оппозиции. Архифонема отличается как от фонем — членов оппозиции, так и от фонемы в позиции нейтрализации» (с. 199). Схематично автор это показывает следующим образом:

| | |
|-----------------------|---------|
| Позиция нейтрализации | |
| /A — B(—C.../) | «a b c» |

Здесь /A/, /B/, /C/ и т. д. фонемы — члены нейтрализуемой оппозиции, /A — B(—C.../ — ассоциируемая с ними архифонема и «a», «b», «c» и т. д. — релевантные признаки. Таким образом, непременным свойством архифонемы является ее связь с нейтрализацией. Поэтому архифонема имеет место лишь при нейтрализуемой оппозиции. Попытки же связать архифонему с постоянной (не нейтрализуемой) оппозицией (так называемая потенциальная архифонема) автор считает нецелесообразными. Кроме того, архифонема невозможна в позиции релевантности, где действует нейтрализуемая оппозиция. Архифонема не может быть идентифицирована ни с одним из членов нейтрализуемой оппозиции, т. к. фонологическое содержание архифонемы не равно фонологическому содержанию ни одного из членов нейтрализуемой оппозиции.

В гл. 9 «Нейтрализация и архифонема» подчеркивается, что эти два явления не отделяемы друг от друга. Архифонема

(термин был впервые введен в 1929 г. Р. О. Якобсоном [10]) — это сумма релевантных черт, общих двум или более фонемам — членам нейтрализуемой оппозиции. Архифонема встречается только в позиции нейтрализации. Предлагаются следующие критерии определения нейтрализуемой оппозиции и архифонемы: 1) множественное дополнительное распределение, 2) фонологическая альтернатива, 3) общая фонологическая база («common base»). Множественное дополнительное распределение предполагает (помимо отношений дополнительного распределения) наличие не менее двух позиций нейтрализации. Из всех предлагаемых критериев автор наиболее существенным считает наличие общей фонологической базы (термин А. Мартине), т. е. общих фонологических признаков, служащих основой для нейтрализации.

Таким образом, отдается предпочтение термину общая база (или основа), считая, что это понятие, в отличие от архифонемы, отвечает всем случаям нейтрализации как универсальному и основному явлению в фонологии. Критерий наличия у фонем общей базы, по мнению автора, более всего сочетается с принятой в его фонологической концепции единицей «релевантный признак». При таком подходе общая база удобнее всего обеспечивает переход от одного признака к многопризнаковой структуре, какой является релевантный признак.

Гл. 10 «Понятие „Представитель архифонемы“» посвящена анализу этого термина (и явления), впервые введенного Н. С. Трубецким. Подробно проанализировав различные точки зрения на исследуемое понятие, Ц. Акамацу выделяет в качестве основного вопрос об онтологической природе представителя архифонемы: что это — звук или фонема? Теория представителя архифонемы Н. С. Трубецкого, по мнению автора, осталась непоследовательной и поэтому явилась причиной споров о природе этого явления. С точки зрения функциональной фонологии и автора рецензируемой монографии представитель архифонемы — это 1) одна из фонем нейтрализуемой оппозиции, встречающаяся в позиции нейтрализации, 2) архифонема сама по себе не может употребляться в позиции нейтрализации, 3) архифонема не может определяться как различительная единица, 4) архифонема имеет фонологическое содержание, не сводимое ни к одной из фонем нейтрализуемой оппозиции, 5) архифонема не может быть представлена фонемой, 6) архифонема манифестируется (реализуется) в звуке (как и фонема), и такой звук может быть назван «манифестацией» (или «реализацией»), но не представите-

лем архифонемы (ср. фонема манифестируется/реализуется в звуке), 7) понятие представитель архифонемы, по мнению исследователя, должно быть полностью исключено как функционально непригодное, т. к. логически противоречит понятиям нейтрализации и архифонемы.

В гл. 11 «Признак. Маркированная фонема и немаркированная фонема» автор обосновывает свое предпочтение термина релевантный признак широко распространенному понятию различительный признак¹. Полагая, что именно оппозиция релевантных признаков и определяется фонологической системой данного языка, автор после подробного экскурса в историю разработки этого понятия приводит следующие «устоявшиеся» в науке характеристики: 1) признак — это свойство одного из членов нейтрализуемой оппозиции, которое отсутствует у другого члена. Остальные признаки у фонем-членов одинаковы; 2) признак — это фоническое свойство *per se*, 3) признак может быть, в зависимости от его внутренней структуры, объединением фонических признаков (субстанциональная характеристика признака). Существенно заметить в этой связи, что в концепции Н. С. Трубецкого в фонологической характеристике признака роль играют лишь фонические свойства (например, «звонкие»), тогда как от других (например, мускульное напряжение) он как бы абстрагируется; 4) признак по определению — комплекс множественных фонических различительных признаков (например, глотальные вибрации, мускульное напряжение и т. п.), которые в сумме идентифицируются как признак, в том числе как релевантный признак (по Мартине), при этом не намечается ни одного из фонических свойств признака (как субстанционального свойства фонемы, в данном случае) в качестве различительного; 5) признак, таким образом, может быть определен как фоническое качество *per se*, либо как эквивалент релевантного признака. Таким образом, автор подчеркивает, что в общем и целом заслуживают серьезного внимания две концепции, восходящие в конечном счете к Н. С. Трубецкому, отстаивавшему фонологически различительные свойства признака в качестве основополагающих, и А. Мартине, выдвигающего на передний план субстанциональные свойства признака. При этом подходе признак становится не простым различителем, а совокупностью физических

¹ В последнее время подобную же мысль в советском языкознании высказала Н. К. Пирогова. Она предлагает различать релевантные признаки (фонологически существенные) и дифференциальные признаки (различительные) [11].

(или артикуляционных) свойств, а основное свойство (различать и идентифицировать фонологические единицы) уходит как бы на второй план. Здесь же (с. 426) автор монографии высказывает разумную мысль о том, что понятие признака в рамках функционального подхода должно быть поставлено в строгое соответствие с другими фундаментальными понятиями фонологии — нейтрализации и архифонемы (добавим еще — оппозиции и корреляции). Эта задача лишь частично находит решение в рецензируемой монографии.

Вообще говоря, отличия различительных и релевантных свойств — далеко не такой простой вопрос. И дело здесь не только в терминологических и пусть даже концептуальных разногласиях между отдельными школами и их авторитетными представителями, а в существе дела. Поэтому задача состоит в том, как объединить субстанциальные, релевантные характеристики признака с их различительными свойствами. Верно, что фонема состоит из признаков (фонема — пучок различительных признаков), признак с фонетической (а следовательно, субстанциальной, физической) стороны — это совокупность различных акустических и артикуляционных свойств, во многих случаях еще до конца не выявленных². С фонологической точки зрения важны лишь те «фонические» свойства, которые являются различительными. Определяются те или иные свойства различительного признака фонем языка данного синхронного состояния. Изменения в системе в силу тех или иных причин, знаменующие переход от одного синхронного состояния к другому, могут выдвинуть в качестве различительных другие «фонические» характеристики признака. Вот почему так важно знать по экспериментальным данным соотношение фонетических свойств признаков. Такие данные могли бы быть использованы при создании диахронической типологии языка, которая, по справедливому замечанию Т. В. Гамкрелидзе [12], наряду с синхронной типологией должна составить не только методологическую основу сравнительно-исторического метода, но и отражает единство науки о языке на современном этапе ее развития.

Здесь уместно сослаться на один пример. В соответствии с глоттальной гипотезой (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов [13]) фонемы первой серии индоевропейских смычных интерпретируются как

² Выявление акустических и артикуляторных признаков и, главное, изучение взаимозависимостей между признаками можно рассматривать как основную задачу экспериментальной фонетики.

глоттализованные. Сам признак глоттализованности (это отмечено и в рецензируемой монографии) образуется не только глоттальными вибрациями, но и мускульным напряжением. Это обстоятельство позволяет характеризовать (по крайней мере, для определенных индоевропейских диалектов) три серии индоевропейских шумных как градуально противопоставленных друг другу по признаку «сильные — слабые». Наиболее сильно маркированы были глоттализованные фонемы первой серии, менее сильно — звонкие (с придыхательными аллофонами) фонемы второй серии и самые слабые — глухие фонемы (с придыхательными аллофонами) третьей серии. Таким образом, релевантный признак глоттализованности, по крайней мере для ряда индоевропейских диалектов, в своем функциональном, фонологическом свойстве выступает в виде признака, поддерживающего градуальную оппозицию по силе.

Далее в этой же главе автор останавливается на понятии «маркированные и немаркированные фонемы». Как известно, Н. С. Трубецкой считал маркированным лишь признаковый член привативной оппозиции. Дальнейшая задача заключалась в том, чтобы соотнести понятие маркированности с другими типами оппозиций (градуальными, эквиополентными, простыми и многомерными). В рамках функционалистского подхода все типы оппозиций, по существу дела, сводятся к одному — нейтрализуемые — ненейтрализуемые оппозиции. По мнению автора, понятия нейтрализация и архифонема вполне покрывают традиционные термины признак (mark), маркированные и немаркированные фонемы. Нейтрализуемая оппозиция в его представлении — это эксклюзивная оппозиция, общая база или часть ее членов и есть архифонема. Автор, таким образом, по его же собственному утверждению, является единственным представителем неопражского функционализма, считающим, что понятие «нейтрализуемая оппозиция» полностью покрывает такие явления, как маркированность, немаркированность фонемы, признак и другие сопредельные понятия (с. 427).

Остается сожалеть, что автору остались неизвестными работы Т. В. Гамкрелидзе, например [14], где предлагается, по сути дела, новое представление о маркированности. Это базисное понятие фонологии определяется не с помощью нейтрализации, а исходя из частотности того или иного типа фонем в языках мира. С частотными характеристиками увязывается и дистрибутивная способность фонем (более свободная у немаркированных, более частотных и потому функционально более обычных и наоборот у маркиро-

ванных). Альтернативный взгляд на маркированность высказывается и в многочисленных работах американского лингвиста М. Шаниро [15], существуют и другие теории.

В гл. 12 «Заключения» подводятся итоги исследования. Важным выводом, к которому приходит Ц. Акамацу, является отличие фонологической оппозиции от оппозиции фонической (фонетической). Фонологическая оппозиция (в отличие от фонической) может подвергаться нейтрализации. Членами фонологической оппозиции являются не звуки (=члены фонической оппозиции), а фонемы и архифонемы, т. е. минимальные (дистинктивные) единицы вторичной артикуляции. Фонемы — члены нейтрализуемой оппозиции состоят из некоторого общего числа релевантных признаков, образующих архифонему. Фонологическое содержание фонемы определяется входящими в ее состав релевантными признаками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Viel M.* La notion de «marque» chez Troubetzkoj et Jakobson: Un épisode de l'histoire de la pensée structurale. Lille; Paris, 1984.
2. *Журавлев В. К.* // ВЯ. 1987, № 5. Рец. на кн.: Viel M. La notion de «marque» chez Troubetzkoj et Jakobson. Lille; Paris, 1984.
3. Letters and notes of N. S. Trubetzkoy / Prepared by Jakobson R. with the assistance of Barab H., Ronen O. and Taylor M. The Hague, 1975.
4. *Martinet A.* Neutralisation et archiphoneme // TCLP. 1936. № 6.
5. *Martinet A.* La notion de neutralisation dans la morphologie et le lexique. P., 1957.
6. *Трубейков Н. С.* Основа фонологии. М., 1960.
7. *Cairns Ch.* Markedness, neutralisation and universal redundancy rules // Language. 1969. V. 45. P. 863—865.
8. *Davidson-Nielsen N.* Neutralisation and archiphoneme: two phonological concepts and their history. Copenhagen, 1978.
9. *Журавлев В. К.* Диакроническая фонология. М., 1986.
10. *Jakobson R. O.* Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929.
11. *Пирогова Н. К.* Вокализм и консонантизм русского языка: Синтагматика и парадигматика: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1985.
12. *Гамкрелидзе Т. В.* Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция // ИАН СЛЯ. 1977. № 3.
13. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.
14. *Гамкрелидзе Т. В.* Маркированность в фонологии и типология фонологических систем // Теоретические основы классификации языков мира. [М., 1980.
15. *Shapiro M.* The sense of grammar. Language as semiotics. Bloomington, 1983.

Журавлев В. К., Шахмайкин А. М.

Алпатов В. М. Япония. Язык и общество. М.: Наука, 1988. 136 с.

Автор поставил перед собой задачу дать краткий научно-популярный очерк языковой ситуации в современной Японии, доступный читателю-нелингвисту. Цель столь же заманчивая, сколь и трудная. Это связано не только с необозримым обилием фактического материала, но и с засильем в нашем массовом сознании большого числа стереотипов о Японии, японцах, их жизни, культуре и, не в последнюю очередь, их языке.

У большинства читателей, интересующихся Японией, закрепился устойчивый образ японского языка как языка с иероглифической письменностью и потому трудного для изучения. Воспитанному в европоцентристской модели мышления человеку зачастую непонятно, зачем усложнять письмо иероглификой при наличии слоговой азбуки кана, с помощью которой легко записывается любое японское слово. Недоумение сменяется удивлением, когда узнают, что кана существ-

вует в двух равноправных видах — именуется так называемая хирагана, которой записывают изменяемые части слов, а иногда и целые слова, и катакана, используемая сейчас главным образом для фонетической записи заимствований из европейских языков. Зачем вообще пользоваться тремя системами записи там, где, казалось бы, можно обойтись одной? При более тесном знакомстве с японским языком и условиями его функционирования в стране число подобных вопросов быстро возрастает. К сожалению, наши языковеды не часто обращаются к социолингвистическим аспектам японского языка, ограничиваясь большей частью формальными и полудформальными исследованиями его грамматических и лексических структур. Книга В. М. Алпатова, преодолевшего эту односторонность, уже только поэтому представляется своевременной и нужной.

Автор кратко рассматривает историю